

танѣ въ особенности тошна благотворительность, какъ дѣло богоугодное. А такъ какъ теперь вся благотворительность направлена на нужды арміи—на солдатъ, то онъ устроилъ, чтобы въ эти бочки меда (благотворительности) клали бы не ложку дегтю, а тысячи пудовъ ядовитой дряни въ видѣ табака. Жертвуя табакъ, развѣ доброе дѣло творять? Развѣ Богу угождаютъ? Развѣ Богу жертву приносятъ? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ,—скажутъ даже табачники, если безпристрастно взглянуть на это дѣло. Жертвователи и сборщики табака дѣлаютъ злое, душепагубное дѣло, приносятъ жертву діаволу. Если бы у нихъ открылись душевныя очи, они, быть можетъ, увидѣли бы, какъ за каждую табачную жертву демоны горячо обнимаютъ и цѣлуютъ ихъ какъ своихъ друзей и товарищей, съ которыми имъ придется раздѣлять по смерти свою участь въ гееннѣ огненной. Не зря же въ старопечатной „Книгѣ о вѣрѣ“ табакъ называется бѣсовскимъ.

Если здоровымъ это бѣсовское зелье вредно, то больнымъ еще болѣе, и потому собирающіе и жертвующіе табакъ на больныхъ и раненыхъ воиновъ совершаютъ сугубый грѣхъ. Сомнительно, чтобы душу табачника, прокопченную и провонялую грѣхомъ куренія этого дурмана, по смерти взяли бы ангелы Божіи. Скорѣе ее возьмутъ бѣсы, какъ благовонное имъ приношеніе.

Надо не поощрять грѣшную привычку къ табаку, а искоренять ее всѣми силами. Быть-можетъ солдатъ на войнѣ по необходимости отсталъ бы отъ куренія, а вашъ бесплатный табакъ заставитъ его продолжить эту пагубную страсть.

И кто знаетъ, не можетъ ли случится такъ, что твоя табачная жертва послужитъ гибелью солдата: быть-можетъ, благодаря куренію твоей папиросы, его увидитъ и подстрѣлитъ непріятель и, умирая, онъ произнесетъ проклятіе на твою голову, какъ виновника его гибели.

И проклятіе это будетъ справедливымъ.

Подумайте, что вы дѣлаете?

Е. И.

Кажется пора...

(Къ разрѣшенію еп. Михаила отъ запрещенія).

Соберется освященный соборъ боголюбивыхъ епископовъ нашихъ, іереевъ и народа. Въ началѣ его несомнѣнно будутъ произведены выборы лица для замѣщенія вдовствующей кафедры архіепископской. Возможно, конечно, что, предваряя эти выборы, еще будетъ рѣшенъ вопросъ и объ учрежденіи митрополіи, т.-е., собственно говоря, вопросъ объ учрежденіи митрополіи въ основѣ рѣшенъ соборне уже давно, теперь обсудить и рѣшить придется только вопросъ о томъ, теперь ли будетъ открыта митрополія, или же, пока что, будетъ съ насъ достаточно архіепископіи,

а потомъ современемъ можно учредить и митрополию. Уже раздаются голоса и теперь—использовать случай потери собственной кафедры митрополитомъ Бѣлокриницкимъ и избрать его на кафедру митрополиі россійской области, что дастъ возможность при его избраніи осуществить учрежденіе россійской митрополиі чисто механически. Возможно, и даже несомнѣнно—на соборѣ такъ это и будетъ, но несомнѣнно также и то, что придуть къ единственному лучшему рѣшенію—это: пока что остаться при архіепископіи, а на архіепископію возвести киръ Александра, еп. Рязанскаго. По нашему убѣжденію другого лучшаго выхода нѣтъ. Да къ этому, какъ замѣтно, склоняются и всюду.

И это понятно.

Зачѣмъ отнимать митрополита отъ его паствы?.. Не надо забывать, что область митрополиі Бѣлой Криницы распространялась не только на Австрію, но и на Румынію и другія государства. Если митрополиту невозможенъ теперь возвратъ въ Буковину, такъ онъ можетъ возвратиться въ Румынію, и еще будетъ время, мы вѣримъ, что онъ сможетъ вернуться и въ Буковину. Вѣдь военныя и политическія перетасовки въ сущности еще только назрѣваютъ, и мы не хотимъ вѣрить, что Буковина не будетъ русскою. Слѣдовательно митрополитъ долженъ быть оставленъ въ покоѣ при своей паствѣ. Этому каноны требуютъ. И самое благоразумное будетъ, если киръ Макарій самъ твердо откажется—измѣнить своей паствѣ и выждетъ конечныхъ результатовъ нынѣ происходящихъ міровыхъ событій. Это будетъ самое лучшее изъ того, что можно придумать!

Обождать же съ учрежденіемъ митрополиі въ Россіи можно по весьма многимъ уважительнымъ причинамъ.

Напримѣръ, въ данное время еще недостаточно разработаны и практически осуществлены права и обязанности архіепископіи.

Слѣдовательно въ первую голову надо на архіепископію поставить такое лицо, которое осознало бы надлежащимъ образомъ значеніе архіепископіи, какъ инстанціи управляющей огромною массою народа и подчиненными ей епископіями, и, осознавъ надлежащимъ образомъ, организовало бы это управленіе и уже потомъ, по выясненіи необходимости, и доложило бы освященному собору о необходимости дѣленія Руси древле-православной на архіепископіи, подчиненныя митрополиі. Для успѣха же учрежденія надлежащаго архіепископскаго управленія необходимо архіепископа освободить отъ занятій дѣлами мѣстной епископіи, вручивъ таковыя его помощнику, каковаго для этой цѣли необходимо нарочито избрать, архіепископу же посвятить свои силы исключительно дѣламъ архіепископіи. Только при такомъ порядкѣ и возможно будетъ ожидать плодовъ надлежащаго управленія народомъ черезъ подвластныхъ архіепископу епископовъ.

Рѣшивъ поступить такъ, соборъ тогда уже придетъ къ рѣшенію и объ избраніи достойныхъ лицъ въ архіепископа, ему помощника и епископа на епископію, могущую освободиться.

Когда съ цѣлью выбора лучшаго кандидата на архіепископію окинешь мысленнымъ взоромъ всѣхъ выдающихся людей, для сего достойныхъ, имѣющихся въ нашей средѣ, и прикинешь ихъ на мѣрку, опредѣляющую нужныя качества, то невольно останавливаешься на двухъ личностяхъ. Не потому, конечно, что они совершенство по этой мѣркѣ, а потому, что они—наилучшее изъ того, что у насъ имѣется въ наличности. На этомъ высокомъ посту желательны люди, способные осознать задачи своего служенія, понимать сущность христіанства и старообрядчества, какъ таковаго, способные явить міру старообрядчество, какъ подлинное христіанство, дабы оно могло наконецъ-то стать въ мірѣ на подобающее ему мѣсто. Люди, совмѣщающіе въ себѣ образецъ обрядовой строгости, церковной дисциплины, истовости и благочестія съ широтою взглядовъ на задачи христіанства въ жизни міра, способные обнимать задачи церковно-общественныя и культурно-просвѣтительныя. Желательны люди, могущіе охранить церковь не только отъ ненужныхъ, вредныхъ новшествъ, но и чуждые мертваго застою охранителей буквы; желательны люди, съ любовью относящіеся къ свободѣ мнѣній и сужденій, способные къ жизни, движенію, а не мертвому застою или топтанію на мѣстѣ.

Вотъ къ этой-то мѣркѣ, къ этой-то желательности въ первую голову подошелъ бы Ѡ. Е. Мельниковъ. Объ этомъ въ № 5—6 уже говорилъ В. Е. Макаровъ. То же подтверждаю и я. Второе лицо—это киръ Александръ, еп. Рязанскій. Несомнѣнно на этомъ послѣднемъ и остановится освященный соборъ, ибо Ѡ. Е. отказывается отъ этого поста, очевидно, не рѣшаясь на этотъ подвигъ. Ну и Богъ съ нимъ. Его чередъ еще придетъ, а еще лучше, если бы его удалось уговорить стать помощникомъ архіепископа, что пока не наложило бы на него всей тяжести архіепископскаго служенія, а дало бы ему практику, подготовку къ будущему.

Итакъ все говоритъ за то, что у насъ останется архіепископія, управлять ею будетъ киръ Александръ, въ сотрудничествѣ (возможно) съ Ѡ. Е. Мельниковымъ.

А если это такъ, то кажется, что пора намъ всѣмъ единодушно поднять голосъ на соборѣ о разрѣшеніи священнослуженія киръ Михаилу, епископу Канадскому.

И, кажется, очень пора! И даже очень, очень пора!..

Пора потому, что уже стыдно стало смотрѣть въ глаза міру за ту несправедливость, какую старообрядчество проявило къ нему и проявляетъ еще пока и теперь. Конечно, не все старообрядчество повинно въ этомъ нехорошемъ дѣлѣ; въ корнѣ это дѣло нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, но разъ это запрещеніе лежитъ на немъ соборнѣ, то ужъ вина само собою лежитъ и на всѣхъ, и потому всѣ тѣ, кто чувствуетъ эту несправедливость, должны настойчиво просить освященный соборъ покончить съ этой несправедливостью.

Пора еще потому, что семилѣтній срокъ испытанія достаточенъ. И, пожалуй, болѣе чѣмъ достаточенъ.

Пора и потому, что нѣтъ уже теперь киръ Іоанна, всей тяжестью своего авторитета лежавшаго на этомъ дѣлѣ камнемъ могилы и давившаго всю окружающую его среду, сочувственно и терпимо относившуюся къ дѣлу епископа Михаила.

Я не осмѣливаюсь осуждать покойнаго, но и не могу признать справедливымъ его отношеніе къ еп. Михаилу. Не мнѣ быть его въ этомъ дѣлѣ судьей; нынѣ онъ предъ Высшимъ Судьею стоитъ и тамъ отсчитается за это предъ Его милосердіемъ, но я зову только къ исправленію той ошибки, которую покойный такъ настойчиво проявилъ.

Я вѣрю, пожалуй (хотя, признаться, неохотно), о благѣ св. церкви ревновалъ покойный; боялся онъ, какъ бы чего не натворилъ „Михаилъ“. Но вѣдь бываетъ ревность и въ излишкѣ, не по разуму, такъ сказать... И думаю, что эта ревность покойнаго и была не по разуму, въ излишкѣ, въ излишкѣ отъ боязни, порожденной темнотою и вліяніемъ этой темной среды, а кстати и излишними страхами предъ событіями 1905—6—7 годовъ.

Въ излишкѣ покойный боялся всякихъ ересей, ересей, которыхъ онъ не видѣлъ, конечно, но которыхъ такъ страшно боялся.

Вѣдь извѣстно: въ темнотѣ человекъ всего боится, боится даже того, чего и нѣтъ въ дѣйствительности. Такъ было и здѣсь. Никакихъ ересей еп. Михаилъ не проповѣдывалъ и проповѣдывать не собирался. Всѣ свои мысли онъ излагалъ всегда открыто, отдавалъ ихъ, такъ сказать, на судъ всей церкви, и церковь, до сегодня, ни одной ереси въ его писаніяхъ не указала, и все-таки покойный боялся... Боялся, смѣшно сказать, боялся какъ тотъ, кто всего больше боялся воробья: „А ну взовьется, да въ глазъ!“ Такъ и покойный: „А ну-ка, мы не догадаемся, а Михаилъ ересь проповѣдуетъ“... а „вотъ земля-то вертится“... и т. д., и т. п.

Помнится, на соборѣ пытался покойный разбирать труды еп. Михаила по изъясненію библейскихъ сказаній о первыхъ дняхъ творенія, а когда это оказалось не подъ силу,—комиссію избралъ, которая также пыталась „отыскать“ ереси въ этихъ трудахъ Михаила и которая въ безсиліи безвѣстно, безцвѣтно умерла. Тяжелаго плача-смѣха достойна была эта комиссія въ своемъ безсиліи судить о вещахъ, которыхъ природы и сути она не понимаетъ. И ядовитымъ плачемъ-смѣхомъ высмѣялъ по достоинству занятія этой комиссіи одинъ изъ нашихъ епископовъ въ № 1 „Стар. Мысли“ за 1911 на стр. 62—64, подписавшійся подъ нею „Иже“.

Тяжелый смѣхъ, ужасный смѣхъ, отъ котораго мурашки по тѣлу бѣгутъ, когда представишь себѣ весь ужасъ положенія Св. Церкви, дѣла отъ имени которой вершатъ люди въ родѣ хотя бы г. Новкова, что показанъ засѣдавшимъ въ этой комиссіи. Фамилія эта замаскирована, но въ дѣйствительности существуетъ лицо съ этой фамиліей, въ которой выброшена г-мъ Иже только одна буква, и это лицо было чуть ли не

источникомъ всего того зла, которое по днесь тяготѣетъ надъ еп. Михаиломъ.

Братія, не ужасно ли будетъ положеніе, когда критиковать такую крупную умственную и научную величину, какъ еп. Михаилъ, возьмутся, лица, подобныя по своимъ знаніямъ тому крыловскому ослу, что критиковалъ пѣніе соловья и, не обинуясь, ему преподнесъ: „Жаль, говоритъ, что незнакомъ ты съ нашимъ пѣтухомъ, у него бѣ ты больше навострился“... Это соловей-то у пѣтуха бы навострился?! Вотъ такой же приговоръ только и можно было ожидать отъ гг. Новковыхъ. Епископъ Михаилъ—недюжина личностъ, не только у насъ, въ нашей средѣ, но въ литературѣ религіозной это личностъ чуть ли не міровая. И церковь господствующая не осмѣлилась осудить его въ заблужденіяхъ, а лишила его профессорской кафедры Петроградской Академіи только за то, что епископъ Михаилъ (у нихъ архимандритъ) слишкомъ открыто требовалъ отъ русской государственной церкви возврата къ христіанству и къ каноническому устройству, отъ которыхъ она уклонилась. Звалъ эту церковь освободиться отъ ига государства и стать свободною. Такая проповѣдь не могла быть терпима тамъ и не столько, пожалуй, самой церковною властью, сколько государствомъ, тѣмъ болѣе въ тѣ злополучные 1904—5 годы, когда личностъ еп. Михаила стала такъ высоко возвышаться.

Его начали преслѣдовать какъ вредное лицо политически, а судьба таковыхъ въ то время извѣстна, и онъ чашу горечи этой судьбы испилъ въ достаточной мѣрѣ.

А переносъ духовныхъ протестовъ въ область политики общеизвѣстенъ: и Христа евреи судили какъ лицо политически преступное. Явленіе обычное! Просмотрите вы эту статью —г-на Иже въ № 1 „Старобр. Мысли“ за 1911 г., озаглавленную: „Засѣданіе комиссіи по дѣлу еп. Михаила“, и вы увидите, что г-да Новковы это политическое преслѣдованіе перенесли вновь на почву религіи у насъ, ибо мы политически не судьи, а только религіозно, ну и пришлось „отыскивать“ ереси. Точнѣе сказать, нужно было въ угоду кому-то Михаила затравить. Ну и затравили.

Всѣ эти комиссіи, всѣ эти судьи давно уже исчезли, отступили отъ еп. Михаила, будучи довольны своей удачей отчасти, а отчасти вѣрою въ то, что архіепископъ уже достаточно загипнотизированъ и ужъ изъ - подъ опалы еп. Михаила, пока живъ, не освободить. Оно такъ и случилось.

Друзья еп. Михаила, т.-е. его почитатели, какъ люди взрослога сужденія, отступились, дали мѣсто торжеству несправедливости, не лѣзя на рожонъ, вѣря, что время все исправитъ, все исцѣлитъ. Они ждали, не поднимая этого вопроса, и лишь только покойный неусыпно заботился, продолжая отыскивать несуществующія ереси еп. Михаила и его мнимыя провинности, позволяющія якобы держать еп. Михаила подъ запрещеніемъ. На помощь архіепископу нашелся охотникъ—нѣкто іерей Карабиновичъ,

одинъ изъ той плеяды славныхъ, что по-малорусски зовутся „пройдысвіты“, а по-великорусски „проходимцы“. Я никогда бы не позволилъ себѣ сказать этихъ рѣзкихъ словъ по его адресу, если бы онъ на нихъ такъ храбро не напрашивался въ выпущенной имъ не такъ давно брошюрѣ „Собрание

Галерея старообрядческихъ дѣятелей.

Киръ Александръ епископъ Рязанскій и Егорьевскій.

статей по дѣлу епископа Михаила Канадскаго“ и изданной „по благословенію Высокопреосвященнѣйшаго Іоанна архіепископа Московскаго Старообрядческаго“ (это буквально значитъ на брошюрѣ). Человѣкъ въ стремленіи дѣлать угодное архіепископу и извѣстнымъ лицамъ, неустанно

трудился „отыскивать“ ереси за еп. Михаиломъ съ 1907 г. по сей день. Пытался писать доклады, засѣдать въ комиссіяхъ, печатать брошюры и т. д. и т. д. безъ конца, и въ помянутой брошюрѣ дошелъ даже до низости искажать смыслъ словъ святаго евангелія, цитируя ихъ въ томъ смыслѣ, что молъ-де по евангелію дѣло обращенія инакомыслящихъ и инаковѣрующихъ къ нашей Св. Христовой церкви есть дѣло созиданія сыновъ геенны вдвое горшихъ, нежели фарисеи. Какъ жестоко, но тѣмъ не менѣе справедливо за эти слова отдѣлалъ его журналъ „Слово Церкви“ въ № 6 за текущій годъ на стр. 148—149. Человѣкъ въ своемъ рвеніи дошелъ до такой нелѣпицы, что сталъ обвинять епископа Михаила въ томъ, въ чемъ сугубо, трегубо, а пожалуй и многогубо повинелъ самъ. Желая огрязнить еп. Михаила, онъ огрязнилъ и наши освященные соборы и епископовъ и, наконецъ, самого себя. По его мысли выходило, что кого наши епископы обратятъ отъ инославія—значить они его дѣлаютъ сугубѣйшимъ сыномъ геенны и при этомъ „святая—они повергаютъ псомъ“, т.-е. вѣру свою якобы „отнимаютъ отъ чадъ“ и повергаютъ псомъ—присоединяющимся. А такимъ псомъ-то и сыномъ геенны онъ и окрестилъ себя самого, ибо онъ-то и есть обращенный изъ инославія и даже не однажды, а дважды: сначала его „обратили“ бѣглопоповцы, а затѣмъ наши. Вотъ до чего люди забываются въ своемъ нехорошемъ стремленіи, что начинаютъ позорить самихъ себя. Никакъ даже не рѣшишь, чего тутъ больше: критики крыловскаго осла, судившаго о пѣніи соловья, или гордаго нахальства, думающаго, что для темной массы все сойдетъ. „Молъ-де, наплюю дураку въ глаза, а онъ скажетъ—Божья роса“.

Отчасти онъ и правъ оказался; это надо признать: тѣ, отъ имени кого онъ писалъ, не поняли, что онъ за ихъ довѣріе къ нему наплевалъ имъ въ очи самымъ постыднымъ образомъ. И мнѣ думается, что Освященному собору необходимо надо будетъ обратить вниманіе на это его мнѣніе и потребовать отчета: *дѣйствительно-ли онъ такъ понимаетъ о нашей Св. Церкви, что она, обращая отъ иновѣрія и инославія, не спасаетъ души обращаемыхъ, а дѣлаетъ ихъ псами и сынами геенны, вдвое худшими, нежели бывшими до того.*

И вотъ такими-то услугами людей, совершенно не заслуживающихъ довѣрія, въ своихъ неумѣстныхъ страхахъ пользовался поксѣйный въ стремленіи не допустить еп. Михаила къ церковной дѣятельности, какъ епископа. И дотянулъ онъ это до смерти своей.

Честь и слава еп. Михаилу, что онъ въ своемъ смиреніи и стремленіи не раздѣлить старообрядчество на два лагеря терпѣливо несъ эту несправедливость. Вѣдь извѣстно, что его труды, какъ религіознаго писателя, создали ему такое количество поклонниковъ, каковаго пожалуй не было и у архіепископа; только его поклонники, какъ люди большей выдержки, молча ждали времени, когда уляжется острота этого вопроса и когда сойдутъ со сцены люди безграничнаго упорства. Молчаніе это до-

ходило до того, что еп. Михаилъ ни разу не позволилъ себѣ отвѣтить надлежащимъ образомъ на явныя клеветы о Карабиновича; всѣмъ хорошо знающимъ дѣло епископа Михаила эти клеветы были ужъ очень очевидны и жалки. Всѣ вѣрили, что устанетъ о Карабиновичъ и замолчитъ, а достоинство еп. Михаила—въ его трудахъ, и оно отъ писаній о Карабиновича ничуть не умалится.

Такъ оно и было! Такъ оно и теперь есть!

И вотъ только теперь, когда эти клеветы напечатаны и широко разосланы подъ ярлыкомъ архіепископа, еп. Михаилъ по просьбѣ нѣкоторыхъ сдѣлалъ на нихъ возраженія.

Они напечатаны въ №№ 4, 5—6 и 7 нашего журнала за текущей годъ.

Спокойно, съ достоинствомъ сущаго епископа, киръ Михаилъ, какъ паутину паука, снялъ своими словами эту давно накоплявшуюся паутину лжи и неправды. Какъ дѣтскій карточный домикъ—разсыпались всѣ хитросплетенія о Карабиновича отъ дуновения правды. И мало еще сказалъ киръ Михаилъ; по сущей ему скромности, онъ только опровергъ то, что опровергнуть нужно было, но онъ могъ, оправдавшись, и обвинять, обличать и т. п. Ибо у него много есть поводовъ къ обвиненію. Но, очевидно, онъ почитаетъ за достаточное только разрушить хитросплетенія неправды.

Надо знать, что дѣло о рукоположеніи его единолично, было рѣшено соборнѣ. Какъ на него, такъ и на рукоположившаго было наложено каноническое взысканіе—запрещеніе отъ священнодѣйствія февральскимъ соборомъ 1909 г., а августовскимъ соборомъ того же года это запрещеніе снято съ еп. Иннокентія безусловно, а съ еп. Михаила подъ условіемъ, что онъ обязанъ обучаться три мѣсяца подъ наблюденіемъ архіепископа „священнослуженію и обычаямъ церковнымъ“ и потомъ „отправиться къ мѣсту служенія“, т.-е. въ Канаду, съ угрозою что если онъ туда не поѣдетъ, онъ будетъ запрещенъ окончательно.

Значитъ вопросъ объ его санѣ, что онъ дѣйствителенъ, о неканоническомъ единоличномъ рукоположеніи, законченъ окончательно и поднимать его уже нѣтъ основанія.

Остается вопросъ о его запрещеніи соборомъ 1910 г. за то, что „епископъ Михаилъ не исполнилъ соборнаго постановленія“, т.-е. обучаться не сталъ и въ Канаду не поѣхалъ. Разсмотримъ его.

Вотъ въ этомъ-то соборномъ постановленіи и совершилась та великая несправедливость, о которой такъ много приходится скорбѣть.

Епископа Михаила на соборъ 1910 года не пригласили.

Объясненій его не выслушали и произнесли приговоръ на основаніи обвиненій, высказанныхъ архіепископомъ, и подъ его давленіемъ при томъ.

На дѣлѣ же, насколько я помню, все было совсѣмъ не такъ: епископъ Михаилъ, послушный волѣ августовскаго собора 1909 г., ожидалъ

отъ архіепископа указаній—куда и когда онъ долженъ будетъ явиться для обученія «священнослуженію и обычаямъ древней церкви», но этого онъ не дождался. Писалъ архіепископу запросы—не получалъ отвѣта (въ Москвѣ проживать онъ въ то время не имѣлъ права). Наконецъ рискнулъ явиться лично, архіепископъ его не принялъ, приказалъ сказать, что „меня нѣтъ дома“, а между тѣмъ еп. Михаилъ, стоя внизу, слышалъ своими ушами это приказаніе. Объясненія съ еп. Александромъ ни къ чему не привели, ибо еп. Александръ, какъ личность подчиненная, уклонился отъ прямого разговора по вопросу, отозвавшись полнымъ незнаніемъ.

Пришлось еп. Михаилу съ печалью возвратиться восвояси и ждать снова. Но онъ, конечно, ничего не дождался.

Время шло. Надо было ѣхать, чтобы выполнить волю собора, а искать нельзя, надо предварительно обучиться богослуженію, а «обучать подъ наблюденіемъ архіепископа» всячески уклонялись. Слѣдовательно вина съ него падала на самого архіепископа, ибо не еп. Михаилъ не выполнялъ воли собора, а самъ тотъ, кто на этой „волѣ“ настаивалъ, а исполнять ея не захотѣлъ.

Кромѣ сего были и другія причины, и при этомъ вполнѣ законныя, чтобы оставить мысль о поѣздкѣ. Требуя поѣздки въ Канаду, соборъ долженъ бы былъ озаботиться и изысканіемъ средствъ на эту поѣздку и на устройство дѣлъ вновь открываемой епископіи. Но, конечно, объ этомъ и не думали, ибо и самое-то требованіе отъѣзда было *только предложено—для того, чтобы потомъ имѣть основаніе для запрещенія еп. Михаила.* Поѣздка въ Канаду въ 1908 г. тотчасъ же по рукоположеніи еп. Михаила имѣла огромный смыслъ, результаты ея тогда обѣщали быть весьма плодотворны для церкви Христовой, ибо епископа отъ старообрядческой, свободной во Христѣ, Церкви, тамъ ждали съ большимъ нетерпѣніемъ, тогда еп. Михаилъ *въ Канаду поѣхалъ* нисколько немедля и поѣхалъ на свои собственныя средства. Средства эти были имъ договорены за работу созданія учебника по закону Божію для Всероссійскаго Съѣзда Старообрядцевъ часть учебника была готова, сдана и часть денегъ была уплачена. На эти деньги еп. Михаилъ черезъ Константинополь, Болгарію, Сербію и Австрію доѣхалъ до Гавра во Франціи; здѣсь онъ долженъ былъ получить остальныя деньги для отъѣзда на океанскомъ пароходѣ въ Америку, такъ какъ законченную рукопись учебника онъ уже доставилъ съѣзду, но въ Гаврѣ, ему подложили свинью: денегъ ему по чьимъ то распоряженіемъ не послали и довели его въ Гаврѣ до того, что ему пришлось проводить ночи въ бесплатной ночлежкѣ... Какъ босяку какому-то! И невѣдомо какими путями онъ сумѣлъ возвратиться домой изъ такой далекой страны. Въ тысячу же девятьсотъ одиннадцатомъ году, когда въ Канадѣ обстоятельства рѣзко измѣнились, эта поѣздка теряла всякій смыслъ. При этомъ очень ясно было видно что всѣми этими соборными запрещеніями и оттяжками отъ собора до собора архіепископъ только того и добивался, чтобы разрушить то ве-

ликое дѣло, которое достаточно широко, обдуманно и цѣлесообразно было предпринято еп. Иннокентіемъ, еп. Михаиломъ, о. Старковымъ и Ѡ. Е. Мельниковымъ. Именно на это разрушеніе дѣла посредствомъ оттяжки времени и было рассчитано, чтобы еп. Михаилъ въ Канаду не поѣхалъ, а за то, что онъ не поѣхалъ, его можно будетъ запретить окончательно и тѣмъ покончить съ этимъ важнымъ дѣломъ. Къ чести епископа Михаила, что онъ никогда и не рассчитывалъ на матеріальную поддержку отъ кого-либо, онъ осмѣливался рассчитывать только на поддержку духовную, но и въ этой поддержкѣ онъ ошибся: вмѣсто содѣйствія онъ нашелъ только *весьма ревнивое противодѣйствіе*; даже епископъ Иннокентій, душа этого дѣла, впоследствии оказался въ числѣ лицъ, противодѣйствовавшихъ еп. Михаилу, а Мельниковъ—гдѣ-то присѣлъ, притаился и сталъ неслышимъ на соборахъ (въ печати онъ остался вѣренъ еп. Михаилу).

Значить, со стороны епископа Михаила все было сдѣлано, что было въ его силахъ и возможности, чтобы выполнить соборное постановленіе хотя таковое и было въ своей сути предумышленное, и что понять было крайне нетрудно. Стало быть, не еп. Михаила надо запрещать было, а *тѣхъ, кто „добръ потрудился“ и принялъ мѣры, чтобы епископъ Михаилъ не смогъ выполнить это постановленіе.* Но, конечно, у „сильнаго всегда безсильный виноватъ“, и потому подвергли запрещенію не архіепископа, а Михаила.

Полагаю, что послѣ мною сказаннаго у всякаго человѣка, честно относящагося къ правдѣ, во весь гигантскій ростъ станетъ предъ глазами та чудовищная несправедливость, которую учинили съ еп. Михаиломъ. Человѣкъ шелъ къ намъ съ открытой душой, сердцемъ, готовымъ на объятія, съ знаніями и силами, готовыми послужить дѣлу Христа, а его мы приняли въ дубины и загнали въ какую-то темную, безпросвѣтную дыру, изъ которой и не выпускаемъ вотъ ужъ скоро будетъ семь лѣтъ.

Развѣ это достойно сыновъ той Церкви, которая почитаетъ себя единственною на землѣ представляющей правду Христа?

Развѣ это не позоръ для нихъ?..

Вотъ мнѣ и думается: кажется, что пора покончить съ этой несправедливостью; кажется, пора явить міру, что наша церковь дѣйствительно есть проводникъ правды Божіей въ жизнь.

Я, да и другіе, включая сюда и самого епископа Михаила, не требуемъ ему кафедры епископской, какъ самостоятельному епископу, но требуемъ только сложенія съ него запрещенія въ священнослуженіи и приближенія его къ нашей средѣ. Мы этого требуемъ не во имя только справедливости, но также и въ тѣхъ интересахъ пользы св. церкви, которую можно будетъ извлечь изъ трудовъ, знаній и способностей еп. Михаила.

Намъ думается, что, разрѣшивъ еп. Михаилу священнослуженіе и предоставивъ ему право говорить проповѣди съ кафедры по приглашенію

епархіальныхъ епископовъ, мы сдѣлаемъ ужъ очень многое. Епископа Михаила способности можно использовать въ проповѣдяхъ противъ невѣрія, сектантства, нравственнаго упадка и религіозной безраличности. Его знаніе исторіи церкви, христіанства и его задачъ, необходимо использовать въ преподаваніи богословскихъ наукъ въ старообрядческомъ институтѣ. Его таланты, какъ религіознаго писателя, также далеко не использованы.

Боятся, что онъ намъ принесетъ вредъ, болѣе чѣмъ неумно, во-первыхъ, потому, что у него и въ мысляхъ этого нѣтъ, а во-вторыхъ, потому, что его служеніе будетъ проходить предъ нашими глазами — и мы всегда будемъ въ возможности вліять на его уклоненія отъ должнаго если-бы таковыя случились.

Если этого бояться отъ него, такъ тогда надо во сто кратъ больше бояться всякаго нашего епископа, ибо они-то еще больше могутъ причинить вреднаго, даже по простой своей неосвѣдомленности и неосмотрительности. Вѣдь, я думаю, для всѣхъ насъ не секретъ, что всѣ наши епископы хотя и люди весьма достойные, умные, люди подвига нравственнаго, но въ смыслѣ обширности знаній — люди, заставляющіе очень многого желать; а потомъ, вѣдь люди же они, а люди всегда способны къ ошибкамъ.

Да развѣ намъ мало для этого примѣровъ?

Ну, на примѣръ, митрополитъ Кириллъ? Развѣ не онъ виновент своею неосмотрительностью въ причинахъ укорененія раздора такъ-называемыхъ неокружниковъ?..

Конечно, такъ. Были, есть и будутъ безъ конца іерархи, чинившіе, чинящіе и имѣющіе чинить зло и непріятности для Церкви Христовой, и отъ нихъ церковь избавляется только контролемъ ихъ дѣйствій народомъ и опредѣленіями освященныхъ соборовъ, такъ оно и будетъ впредь.

Боятся нечего стало-быть. И не видимъ мы попытокъ епископа Михаила къ чему-либо худому. Боятся того, что не существуетъ и, возможно, существовать не будетъ, это именно бояться воробья, какъ тотъ жалкій человѣкъ, о которомъ я уже упомянулъ въ началѣ моей статьи. Такого рода болѣзнью могутъ страдать только люди темные, непросвѣщенные.

А мы вѣдь церковь Божія. Намъ это очень не къ лицу...

Мы надѣмся, что на предстоящемъ соборѣ, подъ просвѣщеннымъ руководствомъ еп. Александра, этотъ вопросъ получитъ надлежащее разрѣшеніе. Надѣмся, что ненужная опала съ епископа Михаила будетъ снята и восторжествуетъ справедливость.

Надѣмся мы также, что и О. Е. Мельниковъ не будетъ больше прятаться „у кусточекъ“ и помалкивать, какъ это было вотъ уже нѣсколько соборовъ, а смѣло скажетъ свое вѣское слово въ защиту несправедливо оскорбляемаго.

Надѣмся, что всѣ свѣтлыя силы старообрядчества на этотъ разъ станутъ твердо на борьбу съ несправедливостью и побѣдятъ дѣло тьмы, застоя и душевной нерѣшительности.

Право, кажется, пора это сдѣлать...

Н. Зенинъ.

Къ соборянамъ.

Старообрядческій соборъ въ этомъ году открывается при исключительныхъ условіяхъ. Съ одной стороны—міровая кровавая полоса. Какъ удушливые газы, застлала она почти весь старый и новый культурный очагъ, смѣшала бѣлое съ чернымъ, и люди, въ массѣ своей, растерялись, отчаялись въ правдѣ земной, отчаялись въ прогрессѣ положительнаго вообще, разочаровались въ наукѣ, которая такъ далеко пошла въ изобрѣтательности орудій смерти и такъ мало смягчила душу человѣческую. Отсюда, отъ этой разочарованности, опасность, а не отъ войны и науки, сдѣлавшей временный уклонъ. Подъ напѣвы современныхъ обскурантовъ и прочихъ, тяготящихся къ изолированности отъ всего міра, грѣшнаго, развратнаго міра, который такъ или иначе развѣваетъ отечественные туманы,—подъ эти напѣвы масса, „народъ“, большинство, того и жди, съ ревомъ бросится на величественное зданіе многовѣковой культуры и разрушить все, до чего достигло человѣчество. Здѣсь опасность на радость кротамъ и темнымъ духамъ. Опасность въ призракѣ китайской стѣны и мертвечины. При малокультурности населенія все это грозитъ великими бѣдами, грозитъ тѣмъ, что народъ нашъ, въ послѣднее время сознавшій необходимость хотя бы элементарной грамотности, окончательно возненавидитъ школу и просвѣщеніе, какъ нѣчто иноземное.

Мы въ правѣ ожидать, что такъ или иначе, а на нашемъ соборѣ отзовется эта предательская работа подземныхъ силъ.

Съ другой стороны,—исключительность нынѣшняго собора подчеркивается еще и предстоящими выборами замѣстителя архіепископской кафедры.

Можно ожидать, что произойдетъ извѣстная группировка делегатовъ на партіи въ зависимости отъ этихъ двухъ событій. Объединятся доморощенные враги просвѣщенія, сгруппируются пропагандисты изолированности вообще, обнажатъ себя наши славянофильствующіе на новый ладъ. Прогрессивныя силы старообрядчества, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будутъ или отсутствовать или займутъ положеніе пассивнаго меньшинства. Утѣшительнаго мало. Но большаго отъ собора едва ли можно ожидать. Конечно, не исключается наличность чуда. Возможно, что выборы делегатовъ на мѣстахъ дадутъ неожиданные результаты, и люди новаго духа займутъ болѣе устойчивое положеніе. Но это, повторяю, будетъ неожиданностью.

Чего же мы въ правѣ ожидать отъ настоящаго собора? Если не случится чуда, будетъ избранъ на архіепископскій престолъ достойный преем-